

Максимов Александр Яковлевич

**На Далеком Востоке. Полное
собрание сочинений**

Книга 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Яковлевич М.**
На Далеком Востоке. Полное собрание сочинений: Книга 7 / Максимов Александр Яковле-
вич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 294 с.

ISBN 978-5-519-94874-6

ISBN 978-5-519-94874-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

выказать твердость своихъ ногъ; но сдѣлавши три-четыре шага, ноги, не смотря на всѣ усилія матроса найти для нихъ надежную точку опоры, отказывались ему служить, и онъ съ громкимъ кряхтеньемъ падалъ въ грязь.

— Земляки, бормоталъ онъ, ей-ей оступился, а то бы всенепремѣннѣйше прошелъ бы. Экая проклятая дорога. Да подымите же, голубчики. И подбѣгали къ нему, напоившіе его земляки, и снова брали подъ руки; онъ же, не надѣясь болѣе на твердость ногъ, позволяетъ волочить себя по грязной землѣ...

Много прошло времени пока не собралась вся команда и не убралась въ своемъ новомъ жилищѣ; долго еще царствовалъ на корветѣ невообразимый безпорядокъ, пока все вступило въ свою обычную морскую колею. Къ вечеру только дисциплина взяла свое, и на корветѣ воцарилась тишина, строго требуемая на всѣхъ военныхъ судахъ не только въ обыкновенное время, но даже и во время работъ.

9-го октября утромъ, на корветъ дано было знать, что въ этотъ день прибудетъ въ Кронштадтъ генераль-адмиралъ и, по всей вѣроятности, зайдетъ проститься съ офицерами и командою. — На корветѣ пошла уборка и приготовленіе къ смотру; не смотря на то, что работы на немъ были еще не окончены, онъ къ 10-ти часамъ принялъ такой прекрасный видъ, что всѣ ожидали смотра съ удовольствіемъ.

Къ 11-ти часамъ подошла къ Кронштадту съ великимъ княземъ паровая яхта „Стрѣльна“. Его Высочество пересѣлъ на паровой катеръ и, въ сопровожденіи главнаго командира кронштадтскаго порта, вице-адмирала П. В. Казакевича, генераль-адъютантовъ Г. И. Бутакова и А. А. Попова, отправился смотрѣть Кронштадтъ и его учрежденія. Въ 2 часа великій князь началъ смотръ судамъ стоявшимъ въ гавани; наконецъ очередь дошла и до нашего корвета; на немъ давно все было прибрано, и офицеры въ полной формѣ, а команда въ

новыхъ фланелевыхъ рубашкахъ, стояли во фронтѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая посѣщенія генералъ-адмирала.

Въ 2^{1/2} часа паровой катеръ подошелъ къ борту и его высочество вошелъ на корветъ, поздоровался съ командиромъ, привѣтливо спрашивалъ его о времени выхода въ море, о его прежней службѣ и вообще интересовался всѣмъ что касалось корвета. За тѣмъ поздравившись съ офицерами и командою, пошелъ осматривать устройство, вооруженіе и внутреннее расположеніе корвета. Больше часа осматривалъ онъ корветъ во всѣхъ его частяхъ, спрашивалъ командира обо всемъ въ мельчайшихъ подробностяхъ и, въ концѣ концовъ, остался всѣмъ видѣннымъ чрезвычайно доволенъ. Въ четвертомъ часу его высочество вышелъ на верхнюю палубу и, обойдя ее въ послѣдній разъ, подошелъ къ командиру, обнялъ его и, поцѣловавъ, по русскому обычаю три раза, сказалъ:

— Прощай, отправляйся съ Богомъ!

Затѣмъ подошелъ къ офицерамъ:

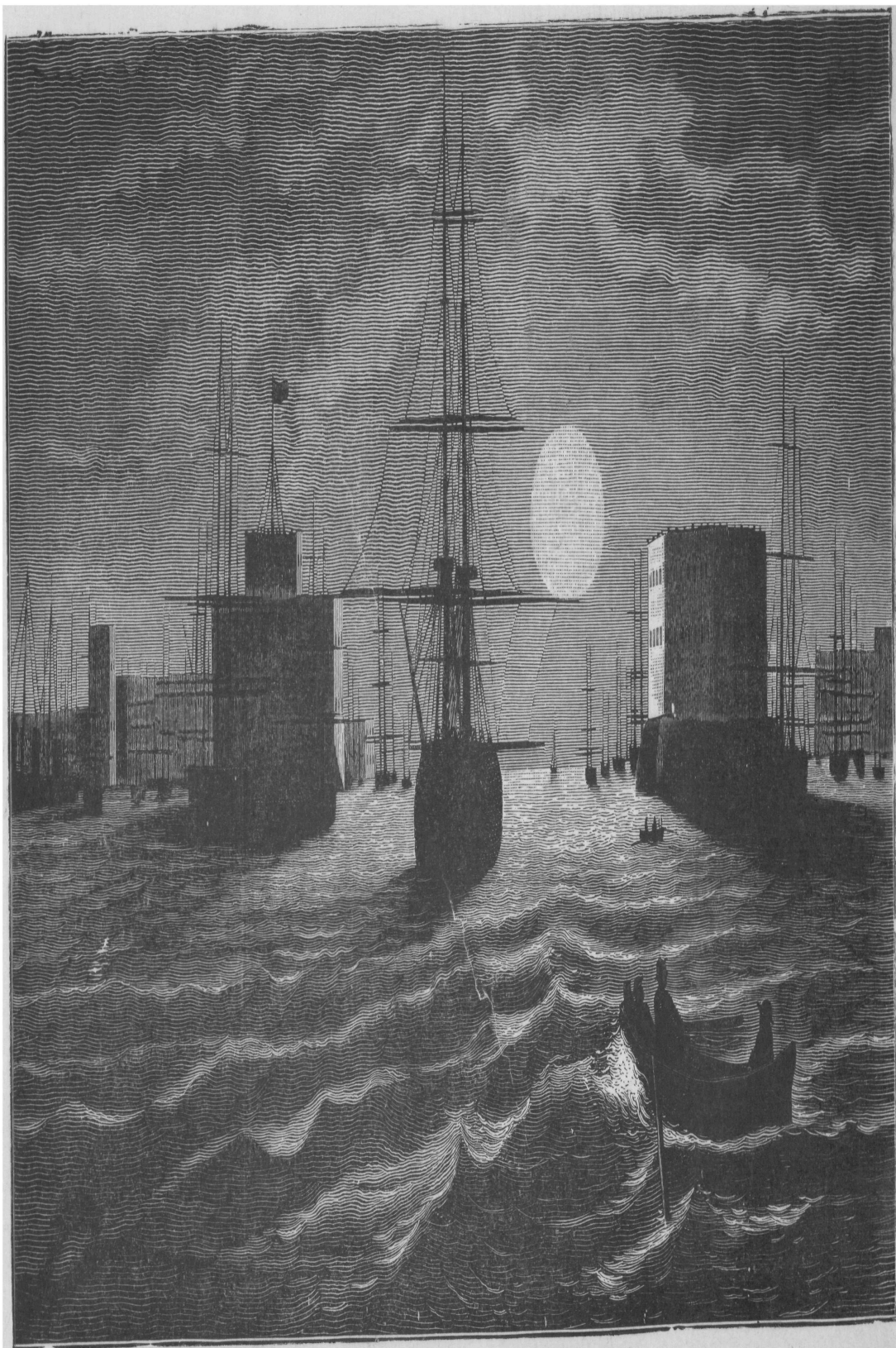
— Прощайте, господа, желаю вамъ счастливаго и благополучнаго плаванія. Жду отъ васъ, что вы поддержите вдали отъ родныхъ береговъ честь русскаго флага.

Послѣ этого обратился къ командѣ и громкимъ голосомъ привѣтствовалъ:

— Прощайте, молодцы! надѣюсь слышать отъ васъ одно только хорошее. Будьте бравыми и поддержите славу русскихъ моряковъ.

— Счастливо оставаться! рады стараться! Ура!!! раздался единодушный, радостный и восторженный крикъ, эхо котораго далеко разнеслось по заливу кронштадтской гавани.

Всѣ были довольны этимъ смотромъ, который сошелъ такъ счастливо и удачно. Долго послѣ него шли веселые разговоры и разпросы о томъ, что говорилъ великій князь, что особенно хвалилъ и чѣмъ интересовался.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ передѣлокъ, указанныхъ великимъ княземъ, корветъ „Аскольдъ“ долженъ былъ, противъ воли и желанія командира, да и всѣхъ идущихъ въ плаваніе, пробыть въ Кронштадтѣ до 24-го октября. Къ нашему несчастію, уже стояло холодное и бурное время; нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ, и многіе начали отчаяваться въ благополучномъ плаваніи въ позднее осеннее время.

Всѣмъ хотѣлось какъ можно скорѣе оставить негостепріимныя воды Рижскаго залива, Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и скорѣе, какъ можно скорѣе, войти въ болѣе теплыя и благопріятныя мѣста, гдѣ не пришлось бы кутаться, не пришлось бы смотрѣть на заходѣвшихъ матросиковъ, съ необыкновеннымъ усиленіемъ тянувшихъ замороженную снасть.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали боцманскаго свистка и приглашенія „пожаловать наверхъ сниматься съ якоря“. Но между тѣмъ, какъ подумаешь, бывало, что подходитъ время скорой разлуки съ родными и милыми сердцу невольная слеза скатывалась съ рѣсницъ. Грустно становилось на душѣ при мысли, что можетъ быть смотришь на все въ послѣдній разъ, можетъ даже и не придется умереть на родной сторонѣ, пожать въ послѣдній разъ руку всѣмъ близкимъ сердцу? Эти грустныя мысли наводили тоску и уныніе; огнѣ пропадали тотчасъ же, какъ только вспоминалось о тѣхъ земляхъ, народахъ, городахъ, о той вѣчно-зеленѣющей природѣ съ ея дивною гармоніею цвѣтовъ, звуковъ и о жизни тѣхъ величественныхъ, достойныхъ одного Бога явленійхъ, которыя увидимъ. Все грустное пропадало и въ будущемъ видѣлось одно только радужное, хотя съ небольшими темными полосами. На сердцѣ становилось опять легко, часть грустной разлуки забывался, и являлось одно только пылкое желаніе поскорѣй выйти изъ холодныхъ водъ Финскаго залива, обойти весь свѣтъ, все увидѣть, все испытать!...

ГЛАВА II.

Молебень.—Прощальный обѣдъ.—Снимка съ якоря.—Первый день плаванія.—Первое несчастіе.—Штормъ въ Балтійскомъ морѣ.—Пряходъ въ Кяль.—Его достопримѣчательности и окрестности.—Поѣздка въ Гамбургъ.

Въ 8 часовъ утра, 28-го октября, отслужень былъ на корветѣ напутственный молебень. Горячо молились мы, горячо просили у Бога благополучнаго плаванія. Молебень, можно сказать, былъ торжественный: то была искренняя молитва странниковъ, пускавшихся въ далекое и опасное плаваніе. Всѣ сердца наши бились однимъ желаніемъ увидѣть еще разъ родину, родныхъ и дорогихъ сердцу. На глазахъ многихъ блеснули слезы; многихъ эта, можетъ быть, послѣдняя на родинѣ, молитва привела въ сильное волненіе. Умильно молились и матросы и горячо преклонили колѣно, со слезами на глазахъ, при возгласѣ священника: „о плавающихъ и путешествующихъ, Господу помолимся“.

По окончаніи молебна, на корветѣ быстро начали прибираться къ принятію провожающихъ, знакомыхъ и родныхъ.

Въ 11 часовъ подошелъ къ Аскольду военный пароходъ „Петербургъ“ съ музыкою и гостями, которые сейчасъ же перешли на корветъ, осмотрѣли его и, были приглашены на прощальный обѣдъ. Обѣдъ былъ шумный, много тостовъ было провозглашено о благополучномъ плаваніи, много добрыхъ пожеланій и напутствій. Послѣ обѣда командиръ отдалъ приказаніе сниматься съ якоря, и черезъ двѣ минуты раздался давно желанный боцманскій свистокъ, сопровождаемый громкимъ крикомъ: „Пошелъ всѣ наверхъ: съ якоря сниматься“.

Шумно, какъ-то лихорадочно, бросились матросики

наверхъ, быстро вооружали шпиги ¹⁾ и, дружно налегшись здоровыми плечами въ вымбовки ²⁾, начали подтягивать канатъ. Провожавшіе въ то-же время опять пересѣли на пароходъ „Петербургъ“, который при звукахъ музыки пошелъ вслѣдъ за корветомъ, уже снявшимся съ якоря...

Трогательно было разставаніе съ родными и знакомыми: много было пролито слезъ, много сердець сжималось отъ невыразимаго горя!

Матросы разбѣжались по вантамъ ³⁾ и устѣяли ихъ какъ мухи вплоть до марсовъ ⁴⁾. Гости, провожая, кричали „ура“; мы громко, одушевленно имъ отвѣчали, махая фуражками и платками. Пройдя форты, „Петербургъ“ повернулъ назадъ, раздались послѣдніе взаимные крики „ура“, началось опять маханіе фуражками и платками. Мы вперили глаза въ удалявшійся пароходъ, который содержалъ въ себѣ все наше родное и въ послѣдній разъ сердце сжалось отъ невольной тоски, слезы блестѣли на рѣсницахъ и всѣ, молча, начали расходиться по каютамъ, шепча про себя: „прощай родина! прощайте дорогіе сердцу! Богъ знаетъ, увидимся ли?“

Въ этомъ вопросѣ заключалось все: желаніе, сомнѣніе и мольба.

— Начать салютъ! раздалась громкая команда вахтеннаго начальника, прервавшая нить нашихъ дорогихъ, но грустныхъ мыслей. Громко и мѣрно начали раздаваться прощальные выстрѣлы, посылая послѣдній привѣтъ родной землѣ и всѣмъ дорогимъ сердцу. Получивъ съ крѣпости отвѣтъ на привѣтствіе, мы дали полный ходъ и быстро

¹⁾ Шпигль есть ничто иное, какъ воротъ, съ помощью котораго вытаскиваютъ якорь изъ воды.

²⁾ Въ верхней части шпигля находятся большія квадратныя отверстія, въ которыя вставляются толстые деревянные рычаги, называемые вымбовками.

³⁾ Вантамъ называются лѣстницы, по которымъ матросы взбѣгаютъ на мачту.

⁴⁾ Марсами называются площадки, находящіяся на верху мачты.

начали удаляться; съ сожалѣніемъ всѣ смотрѣли на постепенно скрывающійся Кронштадтъ.

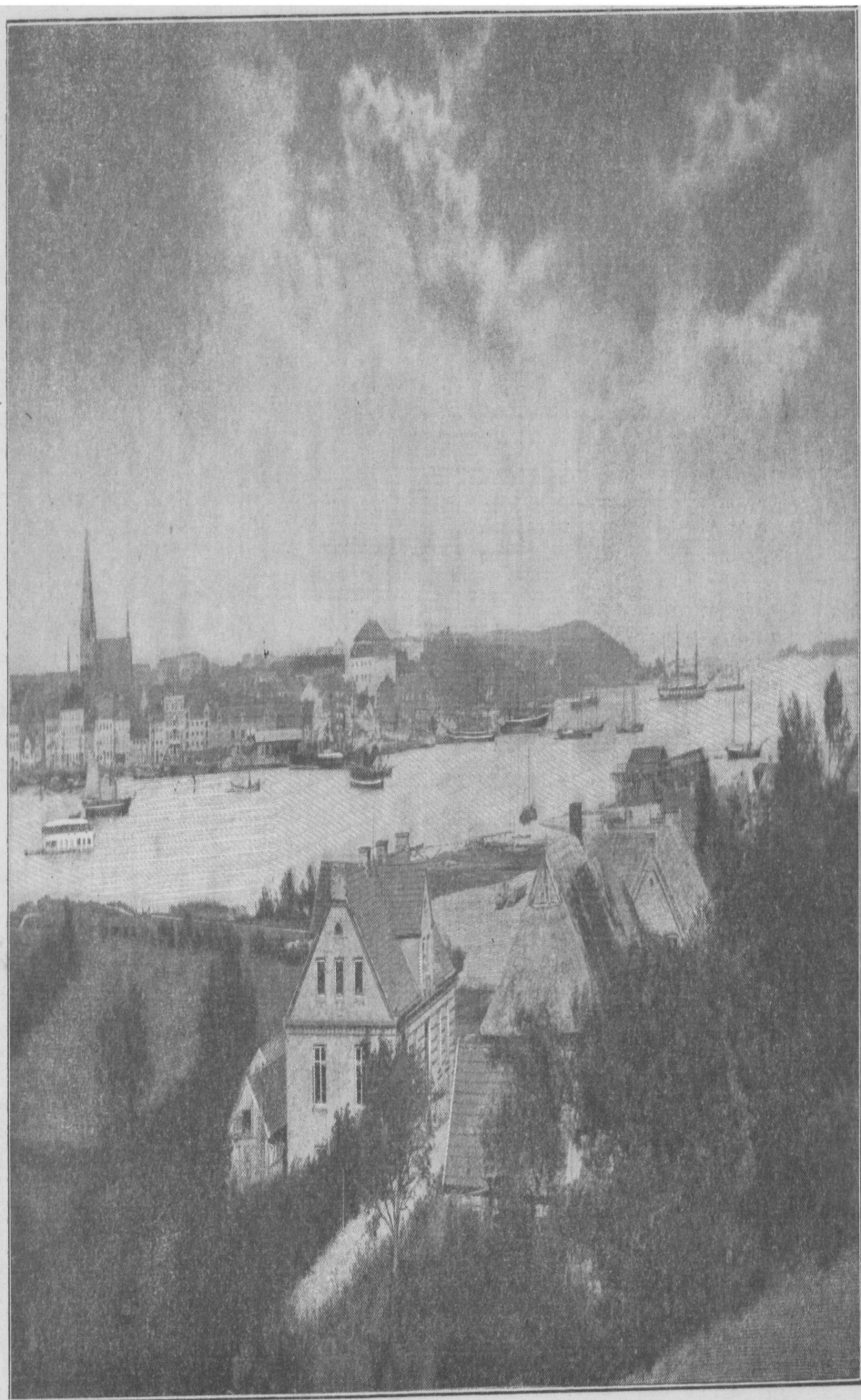
Первый день плаванія по Финскому заливу, былъ несчастливъ. Погода была прескверная: ночью постоянно налетали шквалъ за шкваломъ, все противные, то съ дождемъ, то со снѣгомъ, то съ градомъ, и матросы, стоявшіе на вахтѣ, отворачивали свои лица отъ рѣзкаго, холоднаго и сильнаго вѣтра; кто же могъ, тѣ забывались куда нибудь за мачту и бесѣдовали о плаваніи и о тѣхъ диковинкахъ, которыя придется увидѣть. За фокъ-мачтою веселый, старый, уже побывавшій за границу, матросъ пояснялъ нѣсколькимъ рекрутамъ о всѣхъ этихъ диковинкахъ.

— Вы у меня, братцы, только слушайте, да по сторонамъ не глазѣйте и галокъ не ловите. Это только при-сказка, а сказка, да настоящая, будетъ еще впереди, началъ раскащикъ и, откашлянувшись продолжалъ: „ѣдемъ, вотъ видите ли, мы въ страну, что у насъ, напримѣръ, зима будетъ, а тамъ такъ растенія всѣ растутъ, да такія еще, просто ай-люли! Разъ эдакое стоитъ, примѣрно сказать, дерево, тамошній народъ фальмой называетъ, высоченное, сажень во сто пожалуй будетъ, а на кончикѣ на самомъ кустикъ, да кустикъ не простой, листья на немъ все саженные. Да, молодцы, навидаетесь вы диву! Въ деревню поѣдете рассказывать, тамъ рты разинутъ—не повѣрятъ, пожалуй. А знаете ли вы, братцы, и то, что въ заморской той землѣ яблоко даже два раза въ году сбиваютъ.

— Ой ли? изумился молодой, блѣлокурый матросъ, и хлѣбъ, я думаю, тожъ два раза собираютъ?

— А може и три, пожалуй, глубокомысленно добавилъ раскащикъ; ужъ больно-то тамъ тепло. У насъ ты видишь и жаръ, и холодъ, а тамъ, мои братцы, все одинъ жаріще пышетъ: точно въ пеклѣ.

— Охъ, Господи, Антипычъ, какія ты страсти рассказываешь, испугался другой рекрутъ, какъ же мы тамъ безъ зимы будемъ; неужто и снѣгу-то тамъ нѣтъ?

Е и л ь.

